

FIGURATIVE COMPONENT OF BULGARIAN AND RUSSIAN CONCEPTS: BANITSA AND PIE

Abstract: The paper is devoted to figurative component as the structural basis of the concept. The study of figurative component of concepts is carried out on the example of the Russian and Bulgarian concepts pie / banitsa through the analysis of modern media metaphors as a means of objectification of concepts and leads to the conclusion that the modern conceptualization of validity is based on the cognitive model of pie / banitsa is resource.

Author information:

Elena Stoyanova

Prof. PhD

Department of Russian Language
University of Shumen, Bulgaria

✉ elvikstoyanova@abv.bg

🌐 Bulgaria

Keywords:

Concept, figurative component, metaphor, linguistic
and cultural situation.

В настоящее время изучение концепта становится одним из центральных направлений гуманитарной науки. Интерес к концептуальным исследованиям обуславливается спецификой современной научной парадигмы, в соответствии с которой языковая единица оказывается зависимой от процессов категоризации и концептуализации действительности, осуществляемой человеком на основе своего опыта и знаний о мире. Концепт воспринимается исследователями в качестве сложного и многомерного образования и определяется как дискретная, ментально-когнитивная единица, регламентируемая культурным фактором, которая предназначена для структурирования и хранения знания в сознании человека, а также его репрезентации языковыми средствами (С. А. Аскольдов, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В.В. Красных, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, Д. С. Лихачев, М. В. Пименова, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин и многие другие). Мнения исследователей расходятся в отношении характера структуры концепта и количества составляющих его компонентов.

Исследователи приходят к выводу о том, что когнитивный концепт формируется в сознании человека на основе непосредственного чувственного опыта (при этом перцептивный / чувственный образ становится ядром концепта), предметной деятельности, мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами, из языкового общения или путем сознательного познания языковых единиц [Попова, Стернин 2001: 40]. Содержательными формами концепта, обеспечивающими его смысловое единство, называются образ, понятие и символ [Колесов 2002: 42; 2004: 19–20], находящиеся на разных ступенях кодирования, где образ представляет собой психо-культурную основу знака.

В современных концептуальных исследованиях важное место занимает изучение именно образной составляющей концепта. Исследователи условно подразделяют ее на перцептивную (или образно-перцептивную, предметно-образную) составляющую как непосредственное чувственное отображение денотата и образно-метафорическую (или метафорическую, неперцептивную, когнитивную) составляющую как квазисенсорное отображение объекта. К образной составляющей некоторые исследователи относят и прецедентный компонент, в силу устойчивости и действия образных ассоциаций с конкретным номеном.

Концепт утверждается в науке в качестве единицы мышления, а, как известно, человек воспринимает и познает мир на образной основе. В ходе эволюции происходит изменение способов концептуализации действительности. Прежде всего, это связано с особенностями

архаичного и современного типов мышления. В основе каждого из указанных типов лежит определенная методология, которая сознательно или бессознательно формируется как отражение накопленного эмпирического опыта, на основе ощущения или осмысления мира. М. Мюллер подчеркивает противоречивый, диалектический характер мышления человека. Автор пишет: «Разве мы не употребляем выражений, которые после строгого анализа оказались бы лишенными всякого вещественного основания, покоясь как земля на слоне, а слон на черепахе, качающейся в беспредельном пространстве?» [Мюллер 2002: 242].

Синкретизм мышления древнего человека на базе сочетания субъективного и объективного обуславливает существование мифологии как мировоззрения, основанного на образном эмоционально-чувственном восприятии мира и осмыслении окружающей действительности на основе бинарных оппозиций. В сферу действия мифологического мышления входят вера и суеверия, фольклор, моральные ориентиры и поведенческие нормы, стереотипы и представления национально-культурной общности, составляющие традиционный слой культуры. Во многом традиционные ценности детерминируют особенности самосознания и менталитета народа. Миф, сохраняемый языком, дает современному человеку готовую схему поведения и обуславливает его действия. Следовательно, можно говорить о «двойственной оценке мифологического мышления» [см. Топорков 1997: 311]. С одной стороны, миф рассматривается как закономерная и специфическая особенность восприятия и познания мира человеком на ранних стадиях развития, а с другой – признается в качестве вневременной составляющей мышления.

Репродуктивность мифа, о которой говорит М. Элиаде [2000: 12], обуславливает специфику вневременного функционирования мифом или мифологом, как структурных единиц мифа, делает их активными и сейчас. В современном мире миф как результат технизации общества принимает форму ритуала, культа, вызывая изменение социального нормирования и коммуникационных средств [Giesecke 1998: 211–212 цит. по Питина 2002: 137–138]. Это, в свою очередь, обуславливает изменение когнитивной памяти и деформацию концептуальной системы человека, сознательно помещаемого на грани реального и вымышленного.

Современные исследователи, базируясь на теории единства мышления, воспринимают мифологическое мышление в качестве одного из видов мышления, направленного на объяснение мира, но функционирующего при дефиците знаний. Есть утверждения, что действие мифологического мышления осуществляется посредством наличия в сознании особой мифологической концептосферы [см. Питина 2002: 5]. Отголоски мифологического мышления находят реальное отражение в наши дни в бинарных оппозициях в структуре концептуальной метафоры. Образное восприятие окружающей действительности лежит в основе конкретно-образного, наглядно-образного, ассоциативно-образного, абстрактно-образного мышления. Различие относится к механизму самой мыслительной операции, проявляющемуся по-разному на разных этапах развития. Указанные формы мышления можно рассматривать не только в качестве ступеней развития человеческого познания, но и в качестве аспектов единого мыслительного процесса [см. подр. Рубинштейн 2003]. Исследователями доказано, что самым поздним продуктом исторического развития является словесно-логическое мышление, а переход от наглядного к абстрактному мышлению составляет одну из линий этого развития, последовательными стадиями которого служат наглядно-действенное, наглядно-образное и словесно-логическое мышление.

Определенную аналогию сказанному выше можно установить, анализируя стадиальность развития метафоры и процесс ее кодификации в языке. В ходе метафоризации отображение конкретной сферы-источника в сознании человека вызывает образно-ассоциативное представление, на базе которого происходит формирование нового понятийного знания. Вследствие чего понимание как последняя стадия когнитивного процесса также основывается на образе, вызывающем к общей мысли, а впоследствии, посредством создаваемых новых оттенков, происходит его когнитивное расширение и обновление.

Таким образом, когнитивная метафора видится продолжением мифа и ритуала, поэтому в образной составляющей концепта прослеживается отображение традиционного знания,

обусловленного мифологическим способом мышления как разновидностью наглядно-образного познания мира [Стоянова 2008: 27–36; Стоянова 2013: 44–53]. Метафора является незаменимым способом представления и структурирования знания о мире, средством отображения ментальных процессов в языке и инструментом создания нового знания. В аспекте междисциплинарных разработок метафорическое основание служит в качестве узлового связующего элемента в процессе взаимодействия многогранного научного знания. Метафорический анализ позволяет выявить ассоциативные векторы как когнитивные смыслы, лежащие в основе концепта и формирующие его образную составляющую.

Целью данной статьи является изучение образной составляющей концепта *пирог* и болгарского концепта *баница*. Выявление сходства и различий в реализации метафорических образов осуществляется на материале современных российских и болгарских медиатекстов разной жанровой направленности, эксцерпированных из печатных и электронных средств массовой информации (СМИ).

Рассматриваемые концепты можно отнести к артефактным концептам-предметам, играющим в русской и болгарской культуре важную роль. Понятийная область кулинарии и пищи представляется традиционным средством концептуализации окружающей действительности, имеющим глубокие мифологические корни. Ритуальная и обрядовая культура соотносится с приготовлением культовых блюд, формированием определенных пищевых запретов и табу.

Жизнь и деятельность древнего человека предполагала непрерывный контакт с природой и была нацелена на установление определенного баланса во взаимоотношениях с ней. В этом смысле еда воспринималась в качестве ежедневного воссоединения человека с миром природы (Г. Гачев, К. Леви-Стросс) и выступала своего рода средством нейтрализации (а по терминологии В. Н. Топорова [1980: 427], *медиатором*) в дихотомическом противоречии природа – культура. В коммуникативном аспекте еда как знак дара представлялась посредником в преодолении противоречия свой – чужой. Магической силой наделялись как жертвы (ритуал жертвоприношения), так и дары (ритуал угощения). Таким образом, мифология еды реализуется, с одной стороны, в категории сакральной, культовой пищи, а с другой – в символизации в лингвокультуре определенных продуктов и блюд и формировании культурной коннотации данных лексем.

Русские и болгарские кулинарные и пищевые образы уходят своими корнями в глубокую древность, они тесно связаны с жизнью и бытом славян, славянскими ритуалами, обрядами и играми. Русск. *пирог* и болг. *баница* являются разновидностями хлеба, характеризуются ритуальным использованием, они символичны и значимы для обоих народов. Название **pirogъ* является общим для восточных и западных славян, но в значении ‘выпеченное изделие с начинкой’ лексема употребляется только в русской лингвокультуре. Для южных славян, в том числе для болгарской культуры, характерны изделия из слоеного теста, типа *баница*.

Включение указанных элементов в процесс метафорического осмысления современной действительности является неслучайным. Тесно связанная с бытом и повседневной жизнью человека кулинарная метафора отличается явным традиционализмом, трансляцией доступного и понятного всем знания. Как показывает языковой материал, объективация образной составляющей концептов в русском и болгарском медиадискурсах характеризуется определенным сходством. В ее основе лежит когнитивная модель *пирог / баница – ресурс*, посредством которой происходит восприятие и представление мира национально-культурными общностями.

Ритуал разрезания выпеченного *пирога* перед подачей на стол транслируется посредством образа распределения ресурсов. Устойчивость образа подчеркивается отображением его во фразеологии: *делить пирог* ‘враждовать, ссориться из-за разделения территории, имущества, власти, полномочий и т. п.’; *урвать свой кусок пирога* ‘добиться некоторой доли при дележе чего-либо’; *пристроиться к пирогу, пожить от общего пирога* ‘о каком-либо деле, предприятии, сулящем хорошую выгоду’. Чаще всего данные метафоры имеют пейоративную оценку.

Например, ср.: русск. *Дележка бюджетного пирога не должна вестись только чиновниками и депутатами* (Независимая газета 29.11.2005); *Чем больше у государства денег, тем больше появляется желающих "откусить" от бюджетного пирога* (Независимая газета 13.04.2005); болг. *Накратко – баницата пак ще се дели между наши си хора* (Дума 12.12.2015); *Тройнакоалиция, съставена от партии, които привидно не можеха да се гледат, а после цинично плеснаха с ръце, прегърнаха се и разделиха държавната баница по формулата 3:5:8* (Стандарт 06.07.2009). В указанных примерах посредством ярких образов деления пирога / баницы происходит осмысление распределения государственного бюджета.

Пирог / баница как образное представление *финансовых средств / ресурсов* появляется в различных сферах жизни общества (русск. *пирог собственности, нефтяной пирог, туристический пирог, экономический пирог, государственный пирог, пирог рынка / рыночный пирог, медиа пирог, космический пирог, мировой пирог, трансферный пирог, смартфонный пирог, рекламный пирог, медиарекламный пирог, автомобильный пирог, стальной пирог, пирог мировых грузоперевозок, энергетический пирог, советский пирог, национальный пироги* др., болг. *футболна баница, социологическа баница, държавна баница, баница "Данък общ доход", социална баница, партийна баница, обществена баница* и др.). Ср.: русск. *Но все-таки, наверное, дело не в рейтинге и связанном с ним напрямую рекламном пироге, а именно в том, что хорошего качества никто с телевидения не спрашивает* (Время новостей 29.08.2007); *Местные власти решили сделать поездки более организованными, а заодно отхватить свой кусок от туристического пирога* (Новые известия 07.12.2007); *Основа экономического роста, включая экспорт-импорт, в любой стране – это рост личного потребления. Но это верхний слой экономического "пирога"* (Независимая газета 14.11.2005); болг. *Вариантите за разпределяне на футболната баница са два* (Стандарт 15.06.2011); *Изглежда, така се дели държавната баница в България – като загърбиш всякакви професионални критерии, обградиш се с обръчи от верни свои хора и после се правиш на светена вода ненапита, убеден, че тромавите бюрократични институции не могат да те типнат* (Труд 04.06.2015); *Баницата "Данък общ доход" – кой какво парче да получи* (Протест 27.05.2015); *Някои вчера нескрито се радваха от случващото се вдясно. Други отдавна доволн потриват ръце от разнобоя в левицата. Трети трескаво пресмятат какъв пай от депутатската баница може да им се падне, акотезитака, а другите – еди-как си, се провалят* (Дума 10.04.2012) и др.

Интересным является тот факт, что в рамках современной лингвокультурной ситуации в России ассоциации пирога как ресурса все более распространяются на нематериальные сферы (*пирог власти / властной пирог, коррупционный пирог, технологический пирог, политический пирог, пирог карьерного развития, информационный пирог, новостной пирог, пирог успеха, пирог безвизовый режим, пирог обязанностей* и др.), при этом реализуя значение 'ценности, возможности, информация'. Например: *Автор сценария драматург Эрдман не успел вкусить от этого грандиозного "пирога" успеха* (Правда.РУ 14.09.2002).

Различия в представлении действительности на основе указанной модели наблюдаются при использовании разновидностей пирога и баницы, которые вносят дополнительный национально-специфический оттенок в семантику метафоры. Прежде всего, это начинка изделий (русск. *сладкий пирог, пирог с начинкой*; болг. *зелник* – вид баницы с капустой и др.).

В русском пироге начинка представляется важной и неотъемлемой его частью. На ее значимость указывают наименования для пирогов без начинки, созданные по модели *пирог с начинкой*: тверской пирог "с нетом", сибирский пирог "с таким" или ярославские и новгородские пироги "с амином". Например: русск. *После эйфории 90-х годов сейчас складывается более или менее адекватная картина по поводу объёма начинки "каспийского пирога"* (Независимая газета 04.11.2002); *Итак, речь идёт о заказах в десятки миллиардов долларов в ближайшие пять лет и 80% этого сладкого пирога достанется местным компаниям* (АЭИ "ПРАЙМ-ТАСС" 28.12.2001).

В болгарской банице начинка, чаще всего, является видообразующим компонентом: *зеле* – *зелник* (вид баницы с капустой), *лук* – *лучник* (вид баницы с луком), *лапад* – *лападник* (вид баницы со шавелем), который определяет разновидность изделия (несмотря на то, что в

болгарской кухне существуют номинации: *баница с праз*, *баница със спанак*, *баница с коприва*, *баница с месо*, *баница с киселец*, *баница с ориз*). Например, болг. Цачева "сервира" *зелник*, *изяли сме били постната пица* (Дума 16.05.2011).

Кроме того, в современном болгарском медиадискурсе обыгрывается традиция запекать в баницу *късмет* (символ удачи) – это так называемая *баница с сюрпризом* (*баница с късмет*). При изготовлении данного изделия внутрь кладут (серебряную) монетку как символ достатка, веточку кизила (болг. *дрян*) как символ здоровья и благополучия и др. В СМИ болгарская *баница* также содержит сюрпризы, которые неожиданно может получить народ. Например: *Баница с късмети ще завърти и столичното парно. През следващата година бонуси ще зарадват хората, които си плащат редовно сметките* (Стандарт 27.12.2010); *Министъртърси късмет в кметска баница* (Фактор 29.12.2010).

В основе различий между русской и болгарской медийными метафорами лежит и осмысление техники и технологий приготовления изделий – *пирог / баница* (русс. *слоеный пирог*; болг. *вита баница*, *дърпана баница* и др.). Так, например, метафора *слоеного пирога* в русском медиадискурсе содержит сему многослойности, чтобы подчеркнуть многоуровневость, разрозненность или многокомпонентность чего-либо. Например: русск. *Слоеный пирог неравенства* (Российская Газета 22.01.2004); *Нынешняя бюрократия представляет собой слоеный пирог, где причудливо перемешаны комсомольские вожаки, партсекретари горбачевских и даже брежневских времен, молодые специалисты из научной среды и бизнеса* (Независимая газета 16.02.2006).

Семантика многослойности отсутствует в болгарской *банице* (хотя *баница* – это изделие из слоеного теста). Собранный материал содержит единичное употребление метафоры с семантикой пестроты и многокомпонентности в болгарском медиадискурсе: „*Баницата*“ *управлява общините. Многоцветни коалиции по интереси крепят властта на кметове* (Труд 18.11.2015).

Разновидностью болгарской баницы по способу (или технике) ее приготовления является *вита баница* (букв. *витая баница*, которая скручивается в виде спирали вместе с начинкой). В болгарских медиатекстах используется метафора *вита баница*, формирующаяся на основе перцептивного образа, который включает сему спиралевидного оформления. Например: *Развихме се като вита баница* (БТР 30.06.2009).

Особенности образного представления окружающей реальности связаны с технологией приготовления *баницы* и закрепившегося в языковом сознании болгар образа *дърпана баница*. Приготовление такой баницы связано с растягиванием теста (от глагола *дърпам* ‘тянуть, тащить, дергать, рвать’). Ассоциации технологического приема приготовления баницы (тесто букв. рвется на части, растаскивается) обуславливают формирование в метафоре семантики рвательства – каждый пытается урвать кусок для себя. Например: болг. *Дърпана баница. Днес един 10-месечен бюджет трябва да бъде раздърпан като тесто за баница така, че да стигне за 12 месеца* (Дума 04.11.2013).

Большинство созданных в медиатекстах метафор содержит эмотивную (как положительную, так и отрицательную) коннотацию (русс. *вкусный, аппетитный, большой, сочный, халявный пирог* или болг. *опоскана, мазна, разложена, топла, вкусна баница*). Например: русск. *К дележу халявного пирога они не успели, и государство сделало для них что смогло* (Российская Газета 06.02.2007); болг. *България е мазна разложена баница* (11.12.2002; Сега 31.12.2005) и др.

Таким образом, в современном языковом сознании концепты (русс. *пирог* и болг. *баница*) крепятся на когнитивных метафорах / моделях и метафорических ассоциациях, которые базируются на перцептивных характеристиках, лежащих в основе метафорического моделирования. При изучении образной составляющей данных концептов установлено, что концептуализация современной действительности осуществляется на основе когнитивной модели *пирог / баница – ресурс*. В реализации данной модели в современных медиатекстах фиксируется различие между русской и болгарской метафорами, возникающее на базе специфических ассоциаций и наглядных образов практической деятельности народов.

References:

1. Babushkin 1997: Babushkin AP Vidove kontseptsii v leksiko-frazeologichnata semantika na ezika, tyakhnata lichna i natsionalna spetsifika. Dis. ... dfn. Voronezh, 1997 g. - 330 str. / <http://www.dissercat.com/content/tipy-kontseptov-v-leksiko-frazeologicheskoi-semantike-yazyka-ikh-lichnostnaya-i-natsionalnay#ixzz4ehh8X7Bu>
2. Vitanova 2004: Vitanova M. Imena za "banitsa" v bŭlgarskiya dialekt v slavyanski i balkanski kontekst // *Izsledvaniya v slavyanskata dialektologiya*. Vol. 10: Terminologichen rechnik na materialnata i dukhovnata kultura na balkanskite slavyani. M., 2004. str. 212-217.
3. Vorkachev 2001: Vorkachev S. Kontseptsiyata za shtastie: kontseptualni i figurativni komponenti // *Sbornitsi na Ruskata akademiya na naukite. Seriya ot literatura i ezik*, 2001. Tom 60, No. 6. str. 47-58.
4. Vorkachev 2010: Vorkachev G. Spetsifikata na universalnata: ideyata za spravedlivost v lingvokulturata. Volgograd: Paradigma, 2010. - 299 s.
5. Vorkachev 2012: Vorkachev SG Vŭobrazhaem komponent na kontseptualnoto shtastie // *Anglica selecta: izbrani tvorbi po lingvo-kontsepsiya*. Volgograd, 2012, p. 12-16.
6. Karasik 2004: Karasik VI Ezikov krŭg: lichnost, kontseptsii, diskurs. M., 2004 g. - 477 str.
7. Karasik 2005: Kontseptsii i regulatori na Karasik VI. - *Ezik, sŭznanie, komunikatsiya*. Sb Chl. M.: MAK Press, 2005. Problem. 30. P. 95-108.
8. Kolesov 2002: Kolesov VV *Filosofiya na ruskata дума*. SPb.: JNA, 2002. - 448r.
9. Kolesov 2004: Kolesov VV *Ezik i mantalitet: monografiya*. SPb.: Peterburgski orientalski izsledvaniya, 2004. 240 str.
10. Korovin 2012: Korovin, AY *Obrazno-pertseptivni kharakteristiki linguocultural «prevŭzhodstvo» kontsepsiya - Aktualni vŭprosi na filologiyata: Sbornik Intern. nauchen. Conf. (Perm, oktombri 2012 g.)*. Perm: Merkurii, 2012 g., str. 59-61.
11. Moskvina 1997: Moskvina VP *ruska metafora. Semantichna, strukturna, funktsionalna klasifikatsiya: Proc. nadbavka za spetsialen kurs po stil*. Volgograd: Promyanata, 1997 g. - 91 str.
12. Müller 2002: Müller M., Wundt W. *Istoriya na religiyata. Ot дума kŭm vyara. Mit i religiya*. SPb.: Eksmo, Terra Fantastica, 2002. - 864 p.
13. Nikitin 2004: Nikitin, M. V., *Razshireni idei po kontseptsii V: Vŭprosi po kognitivna lingvistika*, 2004, №. S.53-64.
14. Pitin 2002: Pitin SA *Kontseptsii na mitologichnoto mislene kato komponent na kontseptualnata sfera na natsionalnata kartina na sveta: avtorskoto rezyume*. Dis. ... d-r Filol. Naukite. Chelyabinsk, 2002 g. - 364 str.
15. Popova, Sternin 2001: Popova ZD, Sternin IA *eseta po kognitivna lingvistika*. Voronezh, 2001, str. 40-62.
16. Rubinshtain 1998: Rubinshtain SL *Osnovi na obshtata psikhologiya*. Sankt Peterburg: Petŭr, 2003 g. - 713 str.
17. Sternin 2008: Sternin IA *Struktura na kontseptsiyata // Izbrani proizvedeniya. Teoretichni i prilozhni problemi na ezikoznaniето*. Voronezh, 2008. str. 172-184.
18. Slyshkin 2000: Slyshkin GG *Ezikovi i kulturni kontseptsii na pretsidentni tekstove*. M.: Academia, 2000. - 139 str.
19. Sterin 2001: Sternin IA *Metodologiya za izsledvane na strukturata na kontseptsiyata - Metodologichni problemi na kognitivnata lingvistika: Nauchno izdanie ed. I. Stŭrnina*. Voronezh: VSU, 2001 g. - 182 s.
20. Stoyanova 2008: Stoyanova E. *Ot rituala i mita do metaforata. // Byuletin na ruskiya Universitet za priyatelstvo na narodite. Seriya ruski i chuzhdi ezitsi i metodi za tyakhnoto prepodavane*. M., 2008. № 4, s. 27-36.
21. Stoyanova 2013: Stoyanova E. *Metafora prez prizmata na lingvistichnata kultura*. Shumen: Universitet-sko izdatelstvo "Episkop Konstantin Preslavski", 2013 g. - 276 str.

22. Puffins 1997: tupik AL Mitove i mitologiya na KHKH vek: traditsii i moderen vūzpriyatie / <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (referentna data: 02.27.2015).
23. Toporov 1980: Toporov VN Food. - Mitovete na narodite po sveta: Entsiklopediya. T. 1. M., 1980, S. 427-429.
24. Eliade 2000: Eliad M. Aspekti na Mit / Trans. s fr. V. V. Bolshakova. 4-to izdanie. Moskva: Akademichen proekt, 2010 g. - 251 str.